

Дмитрий Олейников: Антигерой как герой, или Опыт биографии проходимца

Dmitry Oleynikov (The Museum of chess, Chess Federation of Russia, Moscow): An antihero as a hero, or An attempt of a scoundrel's biography

DOI: 10.31857/S0869568722010150

В своей книге профессор В.В. Зверев попытался разрешить непростую задачу сочетания научности и увлекательности. Автора явно не устраивает «косноязычная проза научного анализа», чтение которой, по его мнению, схоже по удовольствию с заучиванием таблицы умножения (с. 412). Но для него неприемлем и соблазняющий популяризаторов науки «театрально-нервный надрыв с голосовым подвывом» (с. 38). Хочется пройти по грани, удержаться, но при этом отказаться от простейших рецептов: не исправлять обыденность прошлого в сторону экстраординарности (с. 413), не писать с рефреном «всё было совсем не так», не накладывать на исследуемую тему голливудское лекало «борьба хорошего парня с плохими». Историк сетует: «По-старому не хочется, а по-новому получается хлипко» (с. 38). В результате, намеренно или нет, но на первый план в монографии выходит проблема: «Как соединить образ и факт? Лёгкость, простоту, доступность изложения с убедительностью и доказательностью?» (с. 37). Вспоминая успешный проект С.С. Секиринского «Историк и художник», Зверев спрашивает: «А почему не попробовать? Почему надо ставить между художником и историком пресловутый союз “или”. Может, правомернее — дефис?» (с. 37).

В биографии, где приходится решать извечную проблему — «показывать человека через эпоху или эпоху через человека», автор стремится отказаться от противопоставления и достичь синтеза (с. 426), чтобы разобраться в причинах, векторе и степени изменений личности героя.

Г.П. Сазонов начинал с возвышенного намерения «отдать себя служению народу, посвятить свои силы благу людей труда», желания «исследовать и понять общие направления хозяйственного развития страны». А потом... Автор недоумевает: «куда же всё ушло?», «что осталось?», как и когда появилось «стремление приспособиться, пристроиться к власти, найти надёжного покрово-

вителя, который и защитой обеспечит, и... безбедное существование гарантирует» (с. 371)? Ответить на такой вопрос не позволят ни дальнзоркий взгляд «со спутника», ни близорукий — «со дна окопа» (с которого хорошо видно только дно окопа). Зверев в поисках ответа отправляет читателя вслед за Сазоновым в своего рода «средний путь» по истории и по стране.

Читатель видит географически и исторически разную Россию с 1870-х до середины 1920-х гг., причём такой, какой её запомнил конкретный исторический деятель, с его собственными комментариями и с пояснениями историка, применяющего метод «недоверчивого чтения». В какой-то момент возникает догадка, за кем именно следует автор. Она ещё больше укрепляется, когда на страницах книги появляются Манилов и Ноздрёв (с. 59), затем — Чичиков и «мёртвые души» (с. 214). И вот новый проходимец несётся во времени и пространстве империи — только уже не в бричке, а в железнодорожном вагоне. По эпохе, где, с одной стороны, «Наш паровоз, вперёд лети!», а с другой — «А по бокам-то всё косточки русские...».

Исключённый из гимназии за «дерзкий проступок против шедшей по улице жены жандармского полковника», Сазонов предпринимает своё «хождение в народ» — в трактир, где под пиво и водку рассказывает местным сапожникам, как хорошо собраться в одну «осецающую», чтобы «жить по-барски». Слушатели внимают, едят, пьют и ждут: поскорей бы он уехал. Через десять лет Сазонов признает: «Плачевно закончился этот опыт... Разочарование было полное и безусловное» (с. 81–83). И движется дальше — по времени и по России: от изучения артелей на деньги А.И. Кошелёва (с. 105–106, 144) и тщетных попыток защитить крестьян в качестве поверенного (с. 125) к покровительству А.Д. Пазухина и К.П. Победоносцева, к монаршему благоволению Александра III. Собственноручное царское «благодарить» на докладе «О неотчуждаемости крестьянских земель» 1893 г. долго служило Сазонову охранной грамотой и рекомендательным письмом (с. 191–192).

Не может не быть интересен читателям и исследователям «смежных» тем человек, который являлся редактором, опубликовавшим памфлет А.В. Амфиатрова «Господа Обмановы», стоял 9 января 1905 г. в рядах демонстрантов на углу Невского и Адмиралтейской (с. 266–267), а позже «входил в круг доверенных лиц Распутина, даже считался некоторое время его другом» (с. 321), мечтал о подобию Госплана (с. 350–351). В ноябре 1918 г. Сазонов побывал у В.И. Ульянова (Ленина), который, по словам самого Георгия Петровича, продержал его четыре часа и принял «братски родственно» (с. 414). С М.И. Калинин Сазонов общался как делегат Общества учёных (с. 417), а редактор «Известий» Ю.М. Стеклов привечал его как любимого автора (с. 418) и в 1923 г. печатал сочинявшиеся бывшим монархистом проекты преобразования производительных сил страны...

В 1932 г. 80-летний Сазонов боролся за обеспеченную старость. Он писал «Автобиографию», пытаясь показать себя последовательным борцом с царским режимом. Прделанный в монографии мастерский анализ этих воспоминаний можно считать своего рода практическим приложением к неоднократно выпускавшейся Зверевым «Методике научной работы». Например, для понимания мировоззрения героя автор старается «присмотреться к его кругу чтения, за которым маячат более осязаемые контуры теоретических пристрастий и попытки конкретной деятельности» (с. 73). Зверев сталкивает, критически сопоставляет мемуарный текст и строки полицейских дел (которые сам

и отыскал в архиве), показывает, как по России словно бы путешествовали два Сазонова: тот, что «был на самом деле» (с. 192–193), и тот, каким он себя описывал. При этом «все персонажи его воспоминаний – массовка, а на сцене господствует он один». Иной раз «пингвином выступает он среди толпы почитателей» (с. 366). В итоге исследователь приходит к выводу, что Сазонов-мемуарист – обманщик, да ещё редкой породы (с. 371). Проследив жизненный путь Сазонова, Зверев уверенно раскрывает главную его поведенческую мотивацию. При «гипертрофированном самомнении, пламенном желании играть значимую роль в жизни России (неважно, при каких обстоятельствах и условиях)», он «мечтал занять подобающее место в ряду властителей дум» (с. 245). Для достижения данной цели у него сложилась весьма эластичная философия. Сазонов – «консервативный народник», сторонник полновластия одного лица при законосовещательном Земском собрании (с. 283–284), в кризисном ноябре 1916 г. он выступал за наделение И.Г. Щегловитова диктаторскими полномочиями (с. 338). В таком народничестве Георгий Петрович не видел ничего противогосударственного (с. 272), утверждал, что это учение вытекает «из кристаллически чистых родников славянофильства». Он также полагал, что «русский народ, проникнутый началами общинности, артельности, обычного права, создавший колоссальную кустарную промышленность, владеющий огромною площадью надельных земель, при распространении натурального хозяйства должен развиваться не по европейским теориям и кабинетным шаблонам, а самобытно, на исторических устоях, путём национального прогресса, поэтому путь капиталистического развития к нам неприменим» (с. 272). Неудивительно, что Сазонову казалась неприемлемой политика П.А. Столыпина, разрушавшая русскую общину с её духом взаимопомощи и будто бы навязывавшая крестьянам «этику зверей» социалдарвинизма, в которой «сильный поедает слабого» (с. 303). С опаской присматривался он и к марксизму, предсказывая: «Потрясающими катастрофами грозит эта новая вера при свойствах увлекающейся русской натуры» (с. 274). Но воплощением всех худших качеств политика Сазонов считал С.Ю. Витте: космополит, фанатичный апостол разрушения, поклонник «бога злата», беспринципный железнодорожный делец, не подготовленный к высоким государственным постам, чуждый народу и его нуждам (с. 284), даже марксист, приближающий торжество капитализма (с. 275). Впрочем, и Витте, диктуя воспоминания, изображал Сазонова «в самом неприглядном виде – морально нечистоплотным субъектом, черносотенцем, мастером закулисных интриг, шантажистом, взяточником» (с. 365, 419). Вообще, как отмечает Зверев, в проштудированных им мемуарах и дневниках никто не отзывался о Георгии Петровиче хорошо (с. 422).

Сазонов больше похож не на учёного, а на изображающего мыслителя эрудированного и эмоционального журналиста, «завсегдатая политического закулисья» (с. 345) с хорошим чутьём на актуальное. Иногда проблемы, то ли прочувствованные им, то ли где-то подхваченные, действительно интересны: он «видит», как в обводнённой Москве паромы разгрузят трамвайное движение (с. 43), как из Куры и Аракса проляжет водный путь через Тигр и Евфрат в Персидский залив (с. 42), как дамба через Керченский пролив поднимет уровень Азовского моря (с. 44), как хлеб и сахар из древесины победят голод (с. 46). Ради исполнения своей мечты об обводнении миллиона десятин Закаспийской области (с. 286–288) Сазонов готов использовать чудодейственное

влияние хоть Распутина (с. 331, 342–343), хоть Калинина (с. 417). Но, умея выявлять и красиво формулировать проблемы (с. 350), он, увы, не мог их решать, его «пророчества и прогнозы отнюдь не всегда сопровождались объективной оценкой предлагаемых правительством мер» (с. 304). Как тут не вспомнить герценовское «мы не врачи, мы боль»?

Пытаясь сделать исследование более личным, Зверев не скрывает от читателя своих неудач: не нашёл ни одного портрета Сазонова, не установил дату его смерти (с. 424) и т.п. «Потому-то нас мало и читают, что за сухой научностью исчезает история поиска и находок, открытий и разочарований, которые могут быть не менее интересны, чем сами результаты работы» (с. 37). Но важно, чтобы здание монографии не выглядело уж совсем как центр Жоржа Помпиду – всеми коммуникациями и арматурой наружу, по принципу «когда надо писать, а не о чем, пиши о том, как трудно писать» (с. 410).

Автор часто приглашает читателей к размышлениям и диалогу: о революции и реформе (с. 307–310), о том, насколько правомерно желание историка «хулиганить в отношении стиля», «идти по узкому стилистическому буму» (с. 411), о разнице между литературой и историей (с. 412). И с ним хочется поспорить. В частности, действительно ли главное отличие между писателем и историком состоит в тех «кирпичиках», которые они используют: образ или факт (с. 412)? Ведь и романисты всю оперировали фактами – достаточно вспомнить хотя бы «Войну и мир» или «Красное колесо», а исследователи с удовольствием пользуются образами и метафорами, будь то «Осень средневековья» или «Сыр и черви». И разница скорее в цели воздействия, в том, что является главной (и даже священной) задачей: установление «исторической истины» или погружение читателя в бурное море эмоций.

Вместе с тем осуществлённый автором книги синтез жанров суммирует не только их достоинства, но и недостатки. Так, некоторые речевые обороты монографии кажутся слишком разговорными для письменного текста («странная всё-таки штука – жизнь», «Мало ли в России Сазоновых? Почти как в Бразилии дон Педров» (с. 9), «слёзочкаписто-слюнявый сериал» (с. 322), повторяющееся «и к попу не ходи» и т.п.). Иногда проскальзывают неточности в передаче известных выражений («уж сколько раз твердили свету» (с. 18), «проверим алгебру геометрией» (с. 185)). Поиски эффектного заголовка приводят к заимствованию названия подзабытого телеромана И. Ольшанского «Такая короткая долгая жизнь».

Остаются в тексте и черты критикуемых «строго научных» монографий. Прежде всего – громоздкость конструкции, возникающая из-за больших отступлений от основной темы. Стоило ли повторять уже известные сведения про Г.П. Судейкина и дегаевщину (с. 103), про А.В. Амфитеатрова (с. 219–220) или заметки К.Ф. Головина (с. 254–256)? Великоваты по объёму цитаты из памфлета Илиодора (Труфанова) о Распутине (с. 324–326), рассказ о Г.А. Лопатине (с. 345), реконструкция взглядов П.П. Мигулина по материалам диссертации Е.В. Балахоновой (с. 352–359).

Порою Зверев неоправданно забывает про Сазонова ради других героев, но утяжеляют чтение и те страницы, на которых Георгий Петрович забывает про автора, например, утопая в многостраничном отчёте попечителя Петропавловской больницы и городских родильных приютов (с. 375–388). После 13 страниц разных подробностей историк и сам признаёт: «Утомил своим отчётом Сазонов» (с. 388). И сразу же обстоятельно излагает «Объяснения на отчёт»

(с. 389–395), переходя к детальному рассказу о заседании санитарной подкомиссии (с. 396–405).

Так или иначе, в историческое полотно возвращена довольно заметная фигура. Представляется, что напрасно В.В. Зверев беспокоится о том, «кому всё написанное будет интересно, и будет ли?» (с. 426). Задуманное им в целом удалось, и пусть не массовый, но просвещённый читатель скажет: «Научная монография, а читать интересно. И полезно».